

Л.В. Кривых

Символический мир как основа самоидентификации*

Процесс самоидентификации является одним из важных аспектов нашей практической жизни. Поэтому проблема самоидентификации приобрела в последнее время столь актуальное звучание. Однако она нуждается в переосмыслении некоторых прежних представлений. Последнее позволит точнее прогнозировать социальное поведение в обществе с учетом особенностей разных культур и, что немаловажно, расширить наши представления не только о социальных и культурных моделях, но и о самом человеке. Новый виток исторического развития России в очередной раз ставит вопрос о выборе ее дальнейшего пути. Вдумчивое осмысление этого феномена, вне всякого сомнения, будет способствовать не только лучшему пониманию происходящих событий, но и наиболее эффективной проработке экспертно-теоретических моделей этого вероятного будущего.

Данные социологических опросов россиян за последние десять лет свидетельствуют о том, что «русскими» себя считают сегодня не менее половины граждан, в то время как «россиянами» – около трети населения. Тех же, кто идентифицирует себя с «советскими людьми», не набирается и трети. Если судить по этим данным, можно сделать вывод, что у русской идентичности культурно-психологическая основа. Люди ориентируются в пер-

* Научное исследование проведено при поддержке РГНФ. Проект (09.03-00137а) «Взаимодействие восточной и западной культурных моделей: теория и практики».

вую очередь на субъективное ощущение «русскости» («любит Россию, считает ее своей Родиной», «любит русскую культуру»). По мнению специалистов, за результатами проведенных исследований стоит попытка русского национального сознания найти новые основания для восстановления своей самоидентификации. Вопрос только в том, нужно ли вновь искать эти основания или достаточно переосмыслить старые. При этом следует учитывать, что старые настолько пластичны, что не могут быть препятствием для адаптации к новым социальным условиям.

Любая идентичность предполагает акты самоидентификации: проекцию внутренней личностной структуры в мир. При этом можно ощущать себя либо автономно самодостаточным (Я есть Я), либо частью некоей целостности (Я есть часть Мы). Сама человеческая культура фокусируется либо на Я, либо на Мы-идентичности. Традиционное российское сознание фокусируется на Мы-идентичности. На уровне обыденного сознания решающую роль в жизни россиян играет отождествление себя с семьей и друзьями, близкими и т.д. На уровне же глубинных структур подсознания особую роль играют образы абстрактно-символической общности. Образы такого рода общности отражают духовную близость людей во всем ее многообразии: схожесть взглядов или религиозных убеждений, принадлежность к одной профессии или национальности.

Важность той роли, которую играет в сознании россиян идентификация с абстрактно-символическими общностями, возможно и есть формальная предпосылка для возникновения «нации россиян». Человек живет в мире значимостей. В том мире культуры, который человек сам для себя создал, особое место занимает мир символов. Последние представляют собой сложившиеся в сознании человека образы явлений, отношений, общественных институтов, вещей, обладающие смыслом, выходящим за рамки физического существования этих объектов. Приобретая метафизический смысл, символы образуют свой целостный мир, который и является сферой духовной жизни человека. Говоря о природе символов, К.Г.Юнг писал: «Символ является, с одной стороны, первичным выражением Бессознательного, а с другой – идеей, соответствующей наивысшему предчувствию сознательного ума». Вещи, «подобные архетипическим символам, не должны продумываться,

они должны снова вырасти из темной глубины забвения, чтобы выразить внешнее предчувствие сознательного ума и наивысшую интуицию духа с целью интеграции уникальности сознания, полнотой сознающего настоящее, с изначальным прошлым жизни»¹. Любая сфера общества нуждается в символических средствах самовыражения. Внутри целостной системы эти средства выполняют функцию интеграции, а в ее взаимоотношениях с другими социальными системами – функцию презентации или идеализации. В обоих случаях символы являются, как уже было сказано выше, не объективным отражением реальности, а идеализирующим и дополняющим ее образом, который представляет собой целостную картину с системой устоявшихся (принятых) значений. Внутри самой системы (в данном случае социальной) он способствует ее самосохранению, во внешних отношениях – приспособлению к другим системам. Что касается выработки идентичности отдельных людей или социальных групп, то они не нуждаются в объективных образах своей реальности; им нужны не объективные истины, а образный мир символов. Последний упорядочивает реальный мир человека. Как носитель и хранитель знания, он дает ему представление о Добре и Зле, направляя поступки человека в ту или иную сторону. Символ выражает единство человеческих коллективов и в такой форме приобретает власть над отдельными людьми. Можно сказать, что мир символов в определенном смысле легитимирует жизнь человека в реальном мире, придает ей смысл и порядок. Мир символов упорядочивает жизнь не только отдельного человека, но и историю целого народа, связывая в коллективной жизни прошлое, настоящее и будущее. В определенном смысле он выражает единство человеческих коллективов и в такой форме приобретает власть над отдельными людьми.

Самоидентификация предполагает наличие самосознания, определения себя как некоей единицы, включенной в социальную структуру, в некий контекст отношений. Такое осознание невозможно без определения внешних границ моего Я, за пределами которых начинается Другой. Если полагать, что для отдельного индивида (человека) границы его Я пролегают через его тело², то для коллективного Я дело обстоит несколько сложнее. Архитипическое сознание порождает (создает, конструирует) иной способ самоидентификации. Для его самопрезентации существует символическая карти-

на Мира. Будучи потаённой в глубинных структурах человеческого бытия, она представляет собой внутреннюю, сложно организованную иерархическую пространственно-временную структуру. Эта картина особым образом упорядочивает окружающие человека вещи и события. Она задает некоторую структуру их организации, некую «сетку» (основу), не только упорядочивающую окружающие вещи, события, не только задавая стереотипы поведения человека, но и вписывая его самого и способы его взаимодействия в социальный и природный мир. Она помогает человеку определить, задать границы Мы – Они, Мое – Чужое, Наше – Не наше.

Структура символического мира может быть выстроена либо по горизонтальному, либо по вертикальному принципу. У традиционных (коллективистских) сообществ она вертикальна. Индивидуалистические сообщества представляют собой образец горизонтальной организационной системы со всеми вытекающими последствиями.

В модели мира, представленной в традиционно-коллективистском обществе, задается система отношений взаимозависимости индивидов. Она выстроена иерархически, вертикально. В индивидуалистической – человек рядоположен, равноправен и, будучи включенным в некое структурное образование, сохраняет за собой относительную независимость. При этом необходимая вертикаль не дана (задана) изначально, а выстраивается (вырабатывается) рядоположенными, равноправными субъектами. Она представляет собой отрефлексированный продукт рациональной конвенции.

Приобщение к той или иной модели означает самоидентификацию с тем или иным символическим миром и усвоение значений его символов. Идентификация с символами содержит определенный возвышенно-сакральный смысл. В сакральных способах чтения акцент делается на возвышенно-символические аспекты национального мифа, сознание обычных людей приобщается (восходит) к национальным святыням.

Разрушение мира символов, этого глубинного пласта человеческого подсознания, фактически означает смену устоявшихся значений. Выпадение элемента из целостной структуры приводит к нарушению этой целостности. Поэтому смена усвоенных смыслов фактически означает смену «мира», в котором находится субъект

ект, что ведет в лучшем случае к кризису его самоидентификации, а в худшем – к её утрате. Поэтому так велико значение символов в формировании и упрочении идентичностей.

Именно эти общие соображения дают нам возможность говорить о значении символических средств для возникновения и трансформации идентичностей в России. Ведь россияне исторически являются носителями традиционного сознания, в котором велики доля и роль образно-символической составляющей.

Личностный рост любого человека во многом определяется его способностью к приспособлению к изменяющейся социальной действительности. Возникающее в кризисные моменты ощущение «утраты Я» связано с нарушением целостности и устойчивости представлений о себе. Личностная перестройка, вызываемая жизненными событиями, захватывает всю систему человеческого Я. Психологический смысл этого процесса состоит в необходимости совершить индивидуальный выбор в мире возможностей³. Однако важно, чтобы он не разрушил базовое основание личностного Я. Существенно пройти этот путь без утраты своей идентичности. Такой утраты не происходит, если процесс трансформации не посягает на базовые ценности, находящие свое отражение во внутреннем целостном символическом мире человека. То есть значение базовых образов остается прежним.

Фундаментальными символами абстрактно-символической общности русского традиционного сознания являются понятия «Мир» (синонимом которого была «община»⁴) и «земля». Исторически эти понятия были центральными в традиционном сознании русского народа. «Мир» представлял собой автономную самодостаточную единицу. В древности в традиционном сознании «Мир» занимал место государства, поэтому в нем, как в фокусе, сосредотачивались все общественные устремления. С образованием государственной структуры «Мир» в глазах народа становится самодовлеющим целым, при этом он не утрачивает позицию верховного авторитета. С одной стороны, государство становится особой частью глобального «Мира», а с другой – системой, объединяющей многочисленные «Миры» («Миром» в более широком смысле слова, отличие которого от составляющих его элементов заключалось в количественных,

а не качественных характеристиках). При этом на государство были перенесены фактически все функции общности, в том числе и хозяйственные.

Если «Мир»-государство представлял собой административное образование, то «Мир»-община – хозяйственное. По народному воззрению, вся Россия – это большая община. Одним из важных символов русского самосознания являлась Земля. Она была предметом идентификации для большинства российского населения. Для глубинных архитипических структур подсознания Земля являлась символом общности, объединяющим всю нацию. Она не могла кому-либо принадлежать, так как принадлежала «Миру» в целом. В глазах русского народа земля была Божья или государственная, что, в конечном счете, для него было тождественным. Право на землю появлялось тогда, когда в неё вкладывали труд. Так как основной формой хозяйствования была община, то и обрабатывалась земля «всем Миром». Соответственно и принадлежала она «Миру». Благодаря труду предков земля становилась достоянием потомков. Общество при этом по традиции оставалось недостаточно автономным и независимым, а граждане были оставлены на милость или немилость государства. В русском самосознании царь и народ представляли собой общее нерасторжимое Мы. Для него было характерно понимание царя как Отца русского народа. Отсюда следовало: чего хочет народ, того хочет и царь (как выразитель воли народной). А того, что хочет царь, хочет и народ. Таким образом, выстраивалась структура целостного коллективного сознания.

Любые социокультурные изменения приводят либо к трансформации, либо к разрушению связанных с ними структур. Трансформация предполагает уточнение в соответствии с произошедшими изменениями смыслового мира или мира значений. Она не представляет опасности для целостности этого мира. Более того, она является адаптационным механизмом, позволяющим ему выжить. Смена же устоявшихся значений символического мира приводит к расшатыванию его структурной целостности. Превышение критической массы таких изменений может привести к разрушению этого мира.

Можно говорить, что до реформ Петра I символический мир русского народа трансформировался в соответствии с происходящими в стране изменениями. На этом фоне его реформы могут

быть рассмотрены в качестве таких изменений, в результате которых начало происходить постепенное разрушение старой русской иерархической символической структуры мира.

Реформы Петра I фактически должны были привести к изменению типа мышления русского народа. На смену образно-символическому мышлению в таком случае пришло бы рационально-логическое. Такая смена привела бы к переструктурированию символической картины мира и изменению её пространственно-временной координаты. Реформирование шло по двум направлениям: изменение структуры мира (замена вертикальной на горизонтальную) и замена символов (символов коллективистского мира на символы мира индивидуалистического).

До Петра I структура государственного устройства соответствовала внутреннему мироощущению народа. Реформы удвоили мир русского сознания: внутренний мир оставался иерархически-вертикальным, а государственное устройство осуществлялось по горизонтальному принципу.

Сильным ударом по символической иерархической вертикали русского самосознания явились церковные реформы, проведенные Петром. В определенном смысле церковь сама являлась системообразующим принципом целостного мира. Для народного сознания она была сакральным символом и в этом качестве представляла собой проявление священного. Такой символ «...сам по себе раскрывает сакральную или космологическую реальность, чего никакое другое проявление сделать не в состоянии»⁵. Лишение церкви сакрального смысла (сакральности) автоматически меняло её положение (место) в структуре символического мира, что, как следствие, привело бы к её переходу из вертикальности в горизонтальность.

Для рационально прагматичного Петра I церковь имела значение как орудие власти и источник государственных доходов. Преследуя в своих действиях чисто властные и экономические интересы, он фактически низводил церковь до положения звена государственного аппарата и тем самым лишал её сакрального смысла. При нём церковь совершенно утратила свою относительную независимость и самостоятельность. Она была способна действовать лишь как одно из государственных учреждений. Начиная с церковных реформ Петра, российское правительство стало причислять церковь к числу своих государственных учреждений.

«...А с начала XIX в. в официальном словоупотреблении даже самый термин “церковь” заменяется термином “ведомство православного исповедования”»⁶. Изменение статуса довершалось обременением священнослужителей дополнительными, не свойственными для их церковного чина функциями. Это превращало их служение в простое исполнение обязанностей, лишало его сакрально смысла, и низводило их до положения государственных служащих. В представлениях же народа церковь, даже как институт, обладала сакральной властью. Она являлась не только «божьем домом», но и местом единения всего «Мира». Поэтому в сознании народа она сама и всё, что с ней было связано, занимали особое, высшее место.

Попытка трансформации порождала у народа различные формы протестного поведения. Эти протесты были направлены на защиту и сохранение былого уклада. Выражалось они по-разному, начиная от различных форм психологической защиты (порожденные разного рода слухов⁷ и т.д.) до открытых выступлений (от простого «ухода в бег» до крайней формы – самосожжения).

Удары, наносимые Петром по усвоенным народом символам повседневной жизни (национальная одежда, бороды, народные праздники и способы их проведения и т.д.) с заменой их на новые, привели к активному сопротивлению их внедрению. Чувствуя реальную угрозу своему устоявшемуся миру, народ не только не принимал символы другого, но и в конечном счете начал отторгать от *своего* Мира самого Петра. Это отторжение осуществилось в виде переноса представления об антихристе с «подмененного» царя (см. сноску 7) на самого Петра. Так, бытовало мнение, что «...он изменил летоисчисление и назвался императором, чтобы обмануть народ и скрыть, что он антихрист. Он украл восемь лет у бога да еще перенес начало года на январь (никогда сотворение мира не могло быть в январе – ведь яблок тогда не бывает)... Он провозгласил себя богом России, став над сенатом и синодом, и требует поклонения себе.»⁸. Одним из важных доказательств антихристовой природы Петра было то, что он «...учини описание народное, исчисляя вся мужеска пола и женска, старых и младенцев, живых и мертвых, возвышаяся над ними и изыскуя всех, дабы ни един не мог скрыться от рук его...»⁹. Так ревизионная перепись крестьян для взимания подушной подати – явление обыденное, очевидно

необходимое для рационально-прагматичного мира, – отозвалась в русском символическом сознании как очередное посягательство на последний оплот первозданного русского символического мира – крестьянскую общину. Петр ввел в обиход «изобретение дьявола» – слово «моё», он пересчитал живых и мертвых, разделил людей на разные чины, попытался изменить «образ божий в человеке»: брить бороды и носить «немецкое платье». Ропща и протестуя, народ это стерпел. Он «отдал» ему государство, но отдать общину еще не был готов. Но до неё «руки Петра» не дошли.

Несмотря на то, что усилия Петра I были направлены во многом на борьбу с символами, сама его преобразовательная деятельность во многом носила символический характер. Перенесение столицы из Москвы было символом не только дистанцирования от прежнего жизненного уклада, но и серьезного намерения его переделать¹⁰. Как удачно подметил К.Маркс: «В отличие от Москвы Петербург был не центром расы, а местопребыванием правительства, не результатом длительного труда народа... не центром, определяющим свойства континентального народа... не традиционным ядром национального развития, а сознательно избранным местом для космополитической интриги. Перенесением столицы Петр порвал те естественные узы, которые связывали ...прежних московитских царей с естественными способностями и стремлениями великой русской расы. Поместив свою столицу на берегу моря, он бросил открытый вызов антиморским инстинктам этой расы и низвел ее до положения просто массы своего политического механизма»¹¹. Однако не вызывало сомнений, что Москва, как носитель русской ментальности, несмотря на утрату статуса столицы, по-прежнему оставалась центром России.

Проводимые Петром I реформы явились по сути своей основой разделения русского государства на собственно государство и земщину (общину). Мир русского народа удвоился. Граница между царем и народом превратилась в пропасть. Государство раскололось на царя и его правительство и на остальной «Мир» (общину). Это не могло не повлечь за собой процесс трансформации русского традиционного сознания. То, чего практически не знала допетровская традиционная Русь, составляло едва ли не главный показатель характера перемен в сознании русского общества. И первым здесь следует назвать процесс индивидуализации.

Реформы Петра I нанесли удар как по структуре, так и по базовым символам русского самосознания, что привело в конечном счете к расколу единого традиционного сознания. В мире коллективистского сознания определенно заявили о себе носители сознания индивидуалистического.

Если «полем деятельности» Петра I была государственная система, то следующей проверкой на прочность русского самосознания явилась столыпинская попытка внедрения индивидуалистического сознания в саму крестьянскую общину. По сути своей его реформы должны были превратить общинного крестьянина в хуторского собственника. При этом произошло бы разрушение традиционно сложившегося в русском сознании образа «матушки», «кормилицы»-земли и низведение её до уровня обычного товара. Известно, что «не может иметь святости то, что имеет цену». Образ земли-товара господствовал в континентальной Европе. Так, например, если у немцев и сохранялось коллективное использование земли (например, пастбищ), то это было не общинное, а общее владение. В Германии крестьяне были коллективными собственниками земли и каждый имел пай в общей собственности. Своей собственностью можно было распорядиться по своему усмотрению. Как было отмечено выше, такое отношение к земле было не характерно для русского сознания. Вероятно, поэтому так велико было сопротивление этой реформе со стороны крестьянства. Действия крестьян можно рассматривать как попытку защиты целостности существующей картины мира, как желание восстановить должную иерархию мироздания. То, что для одной культуры может быть капиталом, для русской есть духовное состояние нации.

Нарушение внутреннего символического мира опасно тем, что оно приводит к кризису самоидентификации. Человек как бы перестает понимать, что происходит с ним и его миром. Он не в состоянии определить происходящее вокруг него. В момент такой внутренней неопределенности проще воспринимаются символы другой, навязываемой человеку культуры. Это впоследствии может привести к утрате собственной культуры.

Таким образом, можно сказать, что переструктурирование пространственно-временного каркаса символического мира в совокупности с выпадением из целостной картины мира системоо-

бразующих символов и изменением их общепринятых смысловых значений, может привести сначала к серьезному кризису, а затем и к утрате самоидентификации.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Гриненко Г.В.* Сакральные тексты и сакральная коммуникация. М., 2000. С. 89.
- ² Следует отметить, что и с этой границей не все так просто, так как индивидуально-личностная граница телесного Я социокультурно обусловлена. Она неразрывно связана с образом Я и соответственно с образом моего тела. Границы образа моего тела не совпадают с границами тела физического (плотского, организменного). Тело для субъекта социального взаимодействия (а иной формы существования у человека нет) является неким артефактом, неким орудием конструирования действительности и приспособления к Другому, способствующим более успешному выживанию человека.
- ³ См.: Трансформация идентификационных структур в современной России. М., 2001.
- ⁴ См.: *Лурье С.* Культурно-психологические факторы распада крестьянской общины // *Человек.* 1992. № 4.
- ⁵ Цит. по: *Гриненко Г.В.* Сакральные тексты и сакральная коммуникация. С. 89.
- ⁶ См.: *Никольский Н.М.* История русской церкви. М., 1983. С. 188.
- ⁷ Так, когда народное сознание ещё не готово было принять тот факт, что молодой царь, «помазанник Божий», ведет себя неподобающим образом, появлялись разные слухи. Так, например, в 1698 г., после возвращения Петра из-за границы, пошел слух, что «подлинный царь пропал без вести в «Стеклянном государстве», а на его месте в Москве воцарился... антихрист» (см.: *Никольский Н.М.* История русской церкви. С. 168.)
- ⁸ *Никольский Н.М.* История русской церкви. С. 168–169.
- ⁹ Цит. по: *Никольский Н.М.* История русской церкви.
- ¹⁰ Не менее символическим было и то, что после смерти Петра I возникает вопрос о возвращении столицы в Москву. Известно, что император Петр II большую часть своего непродолжительного царствования провел в Москве, где и умер. В Москву в это время перебрались все центральные учреждения, включая Монетный двор. Под страхом наказания запрещалось тогда говорить об обратном переезде двора в Петербург.
- ¹¹ *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII в. // *Вопр. истории.* 1989. № 4. С. 12.